

Глава I

Шоколадная утка

Трёхлетняя худенькая и бойкая девочка то вьюном вьётся по небольшой светлой гостиной возле стола, на котором лежат такие соблазнительные вещи, как большие ножницы, иголка с ниткой, воткнутая в только что подрубленный няней носовой платок, и маленькая шоколадная утка; то как ни в чём не бывало удаляется от стола и смотрит с самым невинным видом в окошко.

Маленькая девочка – это я. Меня зовут Люсей. У меня есть отец и бабушка, и ещё няня Феня. Эта Феня очень молоденькая, румяная и такая бойкая, что двух минут не может спокойно посидеть на одном

И схватив меня за руку более нежели энергичным движением, она повлекла меня в детскую, чтобы смыть с моего лица и рук злополучный шоколад.

* * *

Вечер... На окно спущена непроницаемая тёмная штора, я лежу в своей мягкой тёпленькой кроватке. Синевато-жёлтый огонёк лампы тихо вздрагивает перед большим образом Нерукотворного Спаса.

Происшествие с шоколадной уткой давно забыто. Вечером бабушка с папочкой и тётей Мусей как ни в чём не бывало играли со мной в пароход и соединёнными усилиями укладывали потом в постельку. Даже Феня сменила гнев на милость и рассказала мне чудесную сказку про Дюймовочку.

Но всё же в сердце у меня осталась какая-то жуть. И не то чтобы жуть, а какое-то странное ощущение тревоги... И причиной этого настроения являлся он – Зелёный...

Несколько раз уже няня Феня говорила о нём, угрожая мне и шутя, и серьёзно: «Вот придёт Зелёный и унесёт тебя в лес и отдаст волкам на съедение».

А кто такой Зелёный, я и не знала хорошенько, по правде сказать. И боялась спрашивать о нём Феню. Мне этот Зелёный представлялся почему-то не большим и толстым, очень толстым, как шарик, и весь он был в зелёных волосах, как клубок ниток, обверчен ими, а глаза у него были маленькие и злые, как у змеи. И жил он в самой чаще непроходимого леса.

Волки боятся его, а он командует ими, как важный барин. Днём он спит, а ночью катается зелёным клубочком повсюду, вокруг тех домов, где живут дурные, капризные дети. Подкатится к такому ребёнку Зелёный, вытолкнет его из тёплой кровати, погонит его в лес, а там волки тут как тут. И останутся одни косточки от дитяти.

От страха я вся сжимаюсь в комочек и начинаю трястись всем телом. Ещё бы! Я преступница: изрезала Фенин носовой платок, съела запрещённую шоколадную утку и напугала весь дом историей с иголкой. И, наверное, Зелёный катается уже вокруг моей кровати! Ошалевшая от страха, я зажмуриваю глаза,

чтобы случайно его не увидеть. Но это не помогает... Я слышу его и чувствую, как он шелестит вокруг моей кровати...

– Нянечка! Возьми меня к себе, а то меня унесёт Зелёный! – не выдержав больше, кричу я.

Феня вскакивает в одной рубашке с большого сундука, заменяющего ей ночью постель, заспанная, горячая, с полураспущенной косой, свесившейся через плечо.

– Какой ещё там Зелёный? Христос с тобой, Люленька! Спи, спи спокойно!

– Нет, нет, я хочу к тебе! К тебе в постельку! – отчаянно протестую я и цепко обвиваюсь ручонками вокруг её шеи.

Тогда она решительно вынимает меня из кровати и уносит к себе.

Как у неё славно на мягкой перине, наброшенной поверх большого, кованного железом сундука. И сама она такая тёпленькая и ласковая... Милая моя нянечка!

Феня начинает пояснять мне, что никакого Зелёного не существует на свете, что его выдумали глупые люди, чтобы пугать раскапризничавшихся или расшалившихся не в меру детей. А я слушаю её, как балованный котёнок, зажмурив глаза, обвив её шею рукой и прижавшись к её щеке.

Милая, добрая Феня! Я внезапно преисполняюсь любви к ней – любви и раскаяния в содеянных мной проступках и мысленно даю себе обещание никогда больше с ней не ссориться...

Глава II

Филат

Он весь чёрный, как сажа, и кудлатый, как баран. Стоит только появиться кому-либо незнакомому вблизи нашего дома, как Филат начинает лаять и волноваться. По-моему, Филат и умница, и голубчик, и красавчик писанный, несмотря на свою свалянную, включенную шерсть.

Я люблю его после папы, бабушки и няни Фени больше всего на свете. Даже хорошенькая тётя Муся занимает место в моём сердце после него. Ежедневно на молитве, прося здоровья папе, бабушке, тёте Мусе, няне Фене и мне, маленькой, я неизменно прибавляю также: «И Филатке».

В это лето мне минуло четыре года, и бабушка после совещания с папой и тётей Мусей решила, что необходимо пригласить в дом бонну-немку, которая бы обучила меня манерам и немецкому языку.

Мы жили в нашем маленьком имении Новгородской губернии, в «медвежьем углу», как называли его наши столичные знакомые. Папа с бабушкой долго совещались о необходимости пригласить в дом пожилую особу, так как молодая наверняка бы скоро соскучилась и уехала бы.

К тому же моя нянечка Феня собралась замуж – за того самого любезного молодого приказчика, у которого мы постоянно покупали сласти и который год тому назад снабдил меня шоколадной уткой... Словом,

однажды утром я узнаю, что приехала новая бонна-немка и ожидает моего пробуждения в столовой.

Ах, как не понравилась мне она с первой же минуты! Какая она старая, некрасивая и, должно быть, злая! У неё очки на носу, а нос длинный-предлинный. Я узнала сразу же, что новую бонну зовут фрейлейн Амалия и что по-немецки Guten Morgen означает «доброе утро».

– Не надо их смущать обеих. Пусть наедине познакомятся хорошенько! – говорит тихо бабушка тёте Мусе, и обе они незаметно исчезают из моей детской.

– Ну, Kindchen*, – говорит мне фрейлейн Амалия, – давай умываться, а потом я причешу тебе головку.

Но я не имею ни малейшего желания ни мыться, ни причёсываться. Куда было бы приятнее покапризничать и поскандалить хорошенько. И когда мокрая губка прижимается к моему лицу, я начинаю неистово реветь и мотать головой.

Прибегает тётя Муся, участливо спрашивает, в чём дело, и уговаривает не плакать. Но я продолжаю реветь и вопить на всю детскую:

– Няню Феню хочу... Мою няню Феню, а эту вон... вон... вон!..

Тётя Муся совсем сконфужена и смотрит растерянными виноватыми глазами на немку. Но фрейлейн Амалия, смущённая не меньше, спешит её успокоить:

– О, это ничего, это случается... Дитя привыкнет понемножку... С первого дня нельзя требовать от неё привязанности к новому человеку. Всё устроится. Пожалуйста, не беспокойтесь!

Но мне эти утешения приходятся далеко не по вкусу. Я взглядываю на неё сердитыми глазами исподлобья и весьма недвусмысленно бросаю в лицо немке:

– Уйди вон. Я тебя не хочу!

Тогда наступает очередь рассердиться тёте Мусе.

– Гадкая, капризная девчонка! – говорит она, нагрядая меня шлепком. – Как ты можешь так обижать

---

* Дитячко (нем.).

Мне мучительно жаль Филата и горько-досадно на себя... И слёзы, тихие и печальные, не капризные, а хорошие слёзы, потекли ещё обильнее по моему осунувшемуся за долгую болезнь лицу.

С этого дня наступил знаменательный перелом к лучшему в моём характере. Капризы исчезли. Исчезло и упрямство, и желание всегда настоять на своём.

Мой характер настолько изменился к лучшему, что, когда много позднее в наш дом приехала новая гувернантка, сменившая бедную фрейлейн Амалию, о которой я расскажу в одной из последующих глав, я встретила её как желанную гостью и старалась доказать на деле, что маленькая Люся далеко не дурной человек.

Глава III

Царевна Мигуэль

«Далеко-далеко, на самом конце света находилось прекрасное синее озеро, похожее своим цветом на огромный сапфир. Посреди этого озера на зелёном острове, среди мирт и глициний, перевитая зелёным плющом и гибкими лианами, стояла высокая скала. На ней красовался мраморный дворец, позади которого был разбит чудесный сад, благоухающий ароматом. Владел островом и прилегавшими к нему землями могущественный царь Овар. А у царя росла во дворце дочь, красавица Мигуэль – царевна...»

Пёстрой лентой плывёт и разворачивается сказка. Клубится перед моим духовным взором ряд красивых, фантастических картин. Обычно звонкий голосок тёти Муси теперь понижен до шёпота.

Эта сказка – моя любимая. Я люблю нежно мою царевну, несмотря на всю её жестокость. Разве она виновата, эта зеленоглазая златокудрая царевна, что при появлении её на свет Божий феи вместо сердца вложили в её грудь кусочек алмаза? И что прямым следствием этого было полное отсутствие жалости

Следом подошла их гувернантка, швейцарка мадам Клео со своей дочкой Лили.

– Пусть дети познакомятся вне нашего присутствия, – произнёс старый граф, обращаясь к моему отцу и тётке Мусе, которой уже завладели величая Лиз и косенькая Китти, развлекая её разговорами. – Пусть мои шалуны покажут ей сад. Но я не вижу Ани! Где Ани? *Ou est-elle donc?** Где же она? – поворачиваясь в сторону гувернантки, спросил он.

Мадам Клео что-то быстро-быстро заговорила по-французски, так что я, научившаяся всего несколькими фразами на этом языке, ничего не могла понять. Но граф, очевидно, понял, что ему говорила швейцарка.

– Уж эта Ани, – произнёс он, морща лоб, – беда мне с ней, – и что-то ещё добавил по-французски по адресу моего отца и тётки Муси, сопровождая слова свои извиняющейся улыбкой.

– Пойдёмте с нами в сад, мы покажем вам дворец Ани, – произнёс старший из мальчиков, Этьен, подставляя мне калачиком руку и с гордым видом повёл меня под руку.

Вадя, его младший брат, надул губы. Очевидно, ему тоже хотелось казаться взрослым, и он завидовал Этьену. С вытянутыми трубочкой губами он поплёлся за нами. Лили вприскочку побежала вперёд.

Графский сад, с его искусственными гротами, беседками, фонтанами, с цветочными клумбами и статуями на каждом шагу, показался мне великолепным парком.

---

* Где же она? (франц.)

Прелестный маленький пруд с хрустальной прозрачной водой, обнесённый оградой, сверкал на солнце, у берега красовалась изящная пристань. Маленькая, похожая на игрушку, лодка мерно покачивалась на воде, прикрепленная цепью к одному из столбиков пристани. По белому фону золотыми буквами на борту лодки значилось: «Ани».

Посреди пруда находился небольшой остров. На нём помещался белый ажурный домик. Чем-то сказочным веяло и от островка, и от домика-беседки, похожего на крошечный дворец. И невольное сравнение его с дворцом Мигуэль пришло мне в голову.

отношении было бы просто бессердечно с моей стороны.

Пятью минутами позднее мы оба, спрятавшись за буфетом, уплетали пломбир с одной тарелки. И мне казалось, что я давным-давно знаю этого милого и заботливого Этьена, и с удовольствием слушала его признание о том, что он терпеть не может поездок в лодках и совсем не потому, что боится, вовсе нет! Просто ему не хочется очутиться в холодной воде.

– Ну, вот и нагостились! Первый блин комом! – смеясь говорил мой отец, увозя меня с тётёй Мусей из Анина. – И ванну приняли несвоевременную, и переполох наделали немалый. Эх, Люська, Люська, рано тебе ещё, видно, ездить по гостям!

Но я почти не обратила внимания на его слова. Нерадостно было на душе у маленькой Люси. «Ани сердится на меня... Ани не простит», – всю дорогу к дому преследовала меня неотвязная мысль. И не давала мне покоя.

Глава IV

Зелёный

– К нам гости едут! Гости! Мамочка, чай готовьте! – заливался колокольчиком по всему дому весёлый, звонкий голосок тёти Муси.

А сама она проворно сдёргивала с себя просторную домашнюю блузу, заменяя её белым батистовым платьем, и наскоро подправляла растрепавшуюся при-

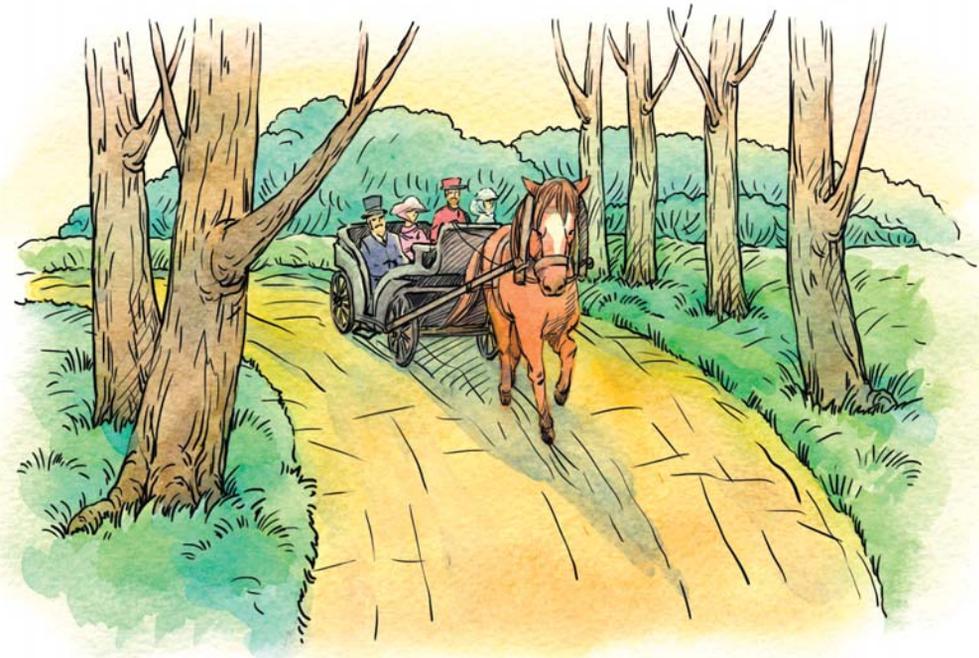
чёску, ужасно суетясь и волнуясь по случаю неожиданного приезда гостей.

– Сервиз новый подайте... Мамаша, да велите вы Лукерье новый передник надеть... Господи! Успеем ли... Кабриолет уже в липовую аллею заворачивает... Граф с двумя дочерьми к нам едет.

Я слышу всё это прекрасно, притаившись в зелёной плющевой беседке. Плющевая беседка – моё любимое место. Здесь я играю в куклы и в «кухню», здесь просиживаю над азбукой с тётёй Мусей, несказанно раздражая её своей рассеянностью. Здесь же слушаю её сказку о царевне Мигуэль.

Но вот со стороны липовой аллеи звенит колокольчик, и тут же раздаётся звонкий голосок тёти Муси:

– Гости! Гости!

Я взглянула на Ани. На ней лица не было. Очевидно, таинственный узелок привлёк и её внимание. Она казалась теперь ещё больше испуганной и встревоженной, нежели прежде.

– Это ведьма! Уверю тебя... Убежим от неё скорее! – шепнула она мне за спиной старухи.

Но о бегстве не могло быть и речи. Незнакомка крепко держала нас за руки и безостановочно шагала по лужам и мокрой траве в глубь леса.

Прошло, по всей вероятности, около четверти часа упорной, долгой ходьбы, пока мы не очутились перед покосившимся крылечком небольшой лесной избы-сторожки.

При нашем появлении дверь избышки внезапно широко растворилась, и на пороге её показался очень высокий, худой человек с бледным лицом и костлявыми, длинными, как у обезьяны, руками. Внешний облик этого человека как нельзя вернее отвечал высказанному недавно предположению Ани о внешности Зелёного!

Очевидно, одна и та же мысль молнией мелькнула в наших головах, моей и Аниной, когда мы переглянулись.

– Зелёный! Сам Зелёный! – прошептала, чуть заметно шевеля губами, Ани, меняясь от страха в лице.

– Входите, девоньки, гостьями будете! – между тем отнюдь не подозревавшая о нашем волнении старуха говорила самым радушным тоном, пропуская нас в дверь.

Мы вошли в небольшую, бедно обставленную, но чрезвычайно чистую горенку*. По стенам её шли лавки, как и в обыкновенной крестьянской избе, посреди стоял грубо сколоченный стол, покрытый домотканой скатертью. В переднем углу перед образами теплилась лампада. В противоположном углу ярко пылала печь.

– Скидывайте же одёженьку, девоньки, да обувку тоже. Печка-то топится на славу, обсушитесь. Да к огню-то поближе садитесь, продрогли, небось, а?

---

* Горенка – небольшая комната, горница, на чистой, жилой половине крестьянской избы.

Глава V

Гувернантка

– Ну, Люся, одевайся скорее, едем встречать новую гувернантку.

Весёлая, свежая, разрумяненная после купания тётя Муся входит ко мне в детскую с мокрой простынёй, переброшенной через плечо, с распущенной косой, болтающейся до колен. Я только что под председательством бабушки докончила выводить карандашом пятую строчку в прописях и собираюсь начинать шестую.

– Как? Уже? – роняю я помимо воли с кислой гримасой.

Перед моим умственным взором снова встаёт образ Амалии, и кажется, что новая гувернантка будет как две капли воды похожа на старую бонну. Хочется зажать уши, зажмурить глаза, броситься на ковёр и заснуть, заснуть, чтобы не просыпаться, или уж если проснуться, то услышать: новая гувернантка – выдумка, ерунда. Новой гувернантки нет, не было и не будет, это сон и только!

Но, увы, действительность уже слишком очевидна для меня... У подъезда фыркает лошадь, запряжённая в старые дрожки, и кучер Василий ухмыляется моей разочарованной физиономии, показавшейся в окне.

– Коли ехать, так ехать не мешкая. Поезд придёт через четверть часа, – слышу я благоразумное замечание тёти за моей спиной.

До уездного нашего города, где находится станция, всего две-три версты. Стало быть, к приходу поезда мы как раз поспеем. Тётя Муся наскоро подкалывает косу, надевает шляпу, вынимает из комода мой белый батистовый с оборками капор*, чудесно защищающий глаза от солнца, и мы выходим на крыльцо.

Мы едем среди засеянных рожью и овсом полей. Я сижу возле тёти Муси тихонькая, как мышь.

Вот и город. Станция. Обычная суета, сутолока и шум.

– Как, поезд уже пришёл? – удивляется тётя Муся.

У меня вдруг появляется смутная надежда. А вдруг, не найдя никого из встречающих, новая гувернантка обиделась, села обратно в вагон и ждёт только отхода поезда, который повезёт её обратно?

– Муся, Муся, поедем домой, – шепчу я в волнении, дёргая за рукав мою молодую тётушку. – Не видишь разве – никого нет!

Но что это с ней? С протянутой рукой она мчится куда-то вперёд...

– Анна Афанасьевна, – кричит она издалека, – сюда, сюда!

– А-а... Здравствуйте, красавица моя! Вот выросла-то, вот похорошела-то, невеста совсем. А ведь я недавно ещё на руках вас держала!

Я слушала и не верила ушам, глядела на стоящую перед нами особу женского пола и не доверяла соб-

---

* К а п о р – детский или женский головной убор с лентами или тесёмками, завязывающимися под подбородком.

ственным глазам. Господи! Да разве бывают такие гувернантки на свете?

Её голос звучал на всю платформу, подобно громовым раскатам, а лицо её... Это были черты мужчины под дамской причёской и под дамской шляпой, съехавшей набок. Красное, как спелый томат, лицо так и лоснилось от жары, так и сверкало всеми своими капельками пота, выступившими на лбу. Колечки пегих волос прилипли к нему, а толстые губы с заметными усами над верхней улыбались до ушей добродушной улыбкой.

В одной руке она держала пёстрый вышитый ридикюль*, в другой какой-то узел и так размахивала и узлом и ридикюлем, что проходившие мимо нас люди с удивлением поглядывали на неё. Прибавлю ко всему, что незнакомка была огромного роста, и широте её плеч мог позавидовать любой чемпион мира.

Подле этой почтенной дамы стояла худенькая невысокая особа, показавшаяся мне на первый взгляд девочкой лет пятнадцати. Её бледное личико носило следы недетского утомления, а большие умные голубые глаза уставились на меня внимательным, зорким взглядом.

– Вот моя Ганя, рекомендую! – произнесла неведомая мне Анна Афанасьевна своим невозможным басом, выставляя худенькую особу впереди себя.

Тётя Муся крепко сжала руку Гани и проговорила ласково:

---

* Ридикюль – дамская сумочка.

– Добро пожаловать! Добро пожаловать, мы так давно вас ждали.

Чуть-чуть краснея всем своим некрасивым, но умным и привлекательным личиком, Ганя ответила не то извиняющимся, не то оправдывающимся тоном:

– Не могла раньше... Честное слово! С конторой своей покончить надо было. Нельзя же было так бросить и уехать, не сдав отчёта, не заявив никому.

Голос у неё, как и лицо, был удивительно приятный. И мне она понравилась сразу, в то время как её огромная мужчинообразная спутница вселяла в меня какую-то